

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Н.К. Печенин

НЕСИСТЕМНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье критикуется универсальность системного анализа. У системного анализа есть границы применимости. Система обязательно должна включать в себя причину своего существования. Невозможно рассмотреть организм как систему. Причины существования организма сконцентрированы в прошлом. Ментальные формы также не могут быть системами: причины их существования сконцентрированы в будущем. В статье сделан анализ ментальности города.

Ключевые слова: философия, система, организм, личность, институт, общество, прошлое, будущее, *habitus*, личность.

Современный человек знает, что мир вокруг него образован множеством систем. И это обстоятельство не пугает человека. Системы ему привычны, они не вызывает особых вопросов. Между тем, очевидность и общепотребительность понятия «система» в научных текстах, скорее опасна, чем удобна. Мнимая очевидность смысла вводит в заблуждение и читателя, и автора, потому что из-за лавинообразного роста вариантов интерпретации текста умозаключения теряют смысл¹. Спасти смысл позволяет контекст, задающий границы применимости понятий. Но и контекст выручает не всегда. В частности, если живой организм или мыслящий разум назван системой, то при любых обстоятельствах смысл получаемых исследователем суждений серьезно искажается, и знание становится ложным. Для обоснования этого утверждения написана статья.

До середины XX века наука не имела понятийного аппарата, позволявшего исследовать организмы. Не было серьезных оснований к тому,

чтобы искать у организма несвойственные для системы свойства. Теперь же, чтобы в исследовании не выхолостить сущности живого, ученый обязательно учитывает, что на всех стадиях развития особи ее фенотип предопределен генетической информацией той единственной клетки, от которой пошло развитие особи. Генетическая информация исторически и логически предопределяет собою все особенности облика особи. Она же формирует особенности гомеостаза физико-химических процессов, обеспечивающих жизнь организма. Теперь исследователь заранее знает, что особь сохраняется и развивается не потому, что химические соединения удачно собрались в тысячи ее систем, а потому, что генетическая информация управляет взаимодействием вещества в системах организма. Информация на протяжении тысячелетий приобретала форму, в которой она каждый раз приступает к формированию жизни и облика особи. Оттуда, из далекого прошлого, информация управляет изменением материальных форм особей, живущих сейчас.

Получается, что начало, управляющее жизнью особи, находится в прошлом. Такое положение дел оставляет организм без главного для системы признака: источник целостности системы должен находиться в самой системе, а мы обнаружили, что в организме источника его собственной целостности нет. Многовековое преобразование видов живых существ — вот источник целостности организма, и этого источника в организме нет. Организм существует сегодня,

¹ Берталанфи не согласен с критикующим понятие системы Баком, но мы полагаем обоснованным следующее замечание Бака: «...невозможно представить себе какую-либо вещь или комбинацию вещей, которые нельзя было бы рассматривать как системы. И естественно, что понятие, приложимое ко всему, является логически пустым». Л. фон Берталанфи. Общая теория систем — критический обзор. Bertalanffy L. von. General System Theory-A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. P. 1-20. — Перевод Н.С. Юлиной // <http://www.evolbiol.ru/bertalanfi.htm>.

а генетическая информация формировалась в прошлом. То есть, между развитием организма и причиной его развития нет обратной связи. А поскольку система не может существовать без обратной связи и без присущего самой системе источника ее движения, организм нельзя считать системой.

В отличие от генетической информации, молекулы дезоксирибонуклеиновой и рибонуклеиновой кислот в полной мере принадлежат системам. Как химические соединения, они наряду с другими молекулами входят в число элементов систем, а в системах всякое изменение управляется взаимным движением элементов, в данном случае, химическими реакциями. Содержится в молекулах информация или нет, для химических реакций разницы нет: молекулы остаются химическими соединениями, элементами материальной системы, и не более того.

Систем в организме много, и у каждой есть внутренний источник целостности — циклически меняющая свое состояние совокупность химических реакций и механических взаимодействий, которыми связаны элементы системы. У организма же такого внутреннего источника нет, потому что он управляется генетической информацией из прошлого. Время, в котором находится источник активности живого организма, радикально отличается от текущего времени, в котором циклически повторяются состояния системы².

Организмы не являются системами. Но понятие «система» чуждо не только живым организмам, оно не имеет ничего общего и с ментальными формами. Представление о системности искажает суть управления, происходящего в ментальных формах. Между ментальными и материальными формами есть непреодолимые различия, и в первую очередь, различие времени, с которым связано существование систем и ментальных форм.

Все, что становится результатом мышления, результатом активности разума, результатом общения между людьми или между особями социальных животных, появляется не в момент

мышления, а потом, в будущем. Может быть, в ближайшем будущем (через долю секунды), а может быть в далеком, но обязательно в будущем времени. Для того чтобы в будущем сделать что-то, мы в настоящем времени должны помыслить об этом, примериться к этому и под влиянием этого сформировать в себе все необходимое. И тогда в будущем мы сможем уверенно действовать. То есть, все, что мы думаем, предполагаем, чувствуем в настоящем времени, все это управляется из будущего. Никакая ментальная форма не может считаться системой, потому что причина ее существования (то, что делает ментальную форму целостной) находится в будущем.

Сложная ментальная форма, например, решение человека о переходе к новому виду деятельности, формируется в результате сравнения ряда моделей будущего, у каждой из которых есть и плюсы, и минусы. Чем точнее смоделировано будущее, тем большую выживаемость обретает ментальная форма, тем реже она будет редактироваться впоследствии. Степень совершенства ментальной формы зависит от того, насколько хороши модели будущего, как они учитывают жизненные реалии, как прогнозируют изменения жизненных реалий и как учитывают влияние принятого человеком решения на характер изменения жизненных реалий. Поэтому люди с большим жизненным опытом обычно успешнее прогнозируют будущее и формируют наиболее выживаемые ментальные формы.

Примитивная ментальная форма, например, та, что воплощена в рефлексе отдергивания руки от источника жара, формируется у человека по той же схеме, что и сложные ментальные формы. Повторяющиеся эксперименты оставляют ментальный след, который со временем становится моделью будущего, моделью, устанавливающей зависимость между движением руки и снижением жжения³. Здесь управление ментальной формой также происходит из будущего. В качестве модели будущего выступает алгоритм⁴ мышечных сокращений, то есть, ментальная форма рефлекса.

Поступки человека, действия животных или общественные процессы — все это материальные формы, системы или части систем, до своего по-

² Илья Пригожин по этому поводу формулирует вопрос: «... не объясняется ли простота временной эволюции, традиционно рассматриваемой в физике и химии, тем, что в этих науках основное внимание уделяется чрезмерно упрощенным ситуациям...» Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой (1984) / Пер. с англ.; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С. 52.

³ Печенин Н.К. Стадии познания // Психология и психотехника. 2009. № 8 (11). С. 43-49.

⁴ Печенин Н.К. Психика социального института // Психология и психотехника. 2009. № 11 (14). С. 64-71.

явления имевшие прототипы в виде ментальных форм. По отношению к человеку это утверждение почти очевидно. Но, будучи отнесенным к обществу, оно воспринимается неоднозначно. Общество существует и развивается как материальное целое, как система, образованная взаимодействием социальных институтов, каждый из которых имеет признаки системы. В каждом социальном институте (в государстве, в городе, в церкви, в языке и пр.) идут свойственные системам процессы: по внутренним причинам циклически меняется состояние каждого социального института, пополняются и расходуются ресурсы. В обществе между социальными институтами происходит постоянный обмен ресурсами. В результате меняется состояние социальных институтов, поддерживается или меняется баланс ресурсов общества. И все это — активность материальных систем, имеющих отношение к обществу.

Материальная причина существования каждой такой системы содержится в самой системе. Все системы общества существуют на замкнутых циклах внутреннего и взаимного обмена ресурсами. Заметим, что в отношениях систем (в том числе и социальных институтов) нет условий для конфликтов. Нет в них и условий для отношений взаимной заинтересованности. Системы не конфликтуют, и после любых изменений они приходят в состояние равновесия. Системы сохраняют свою целостность, если баланс ресурсов достигнут, или теряют устойчивость и разрушаются. Но все это не конфликты, это переходные процессы в системах. Конфликты между социальными институтами, постоянно сотрясающие общество, рождаются не материальными условиями, а ментальными причинами.

Как и у человека, у общества есть собственная ментальная форма, столь же значимая для общества, как личность значима для человека. Только внимательное исследование ментальной формы общества позволяет нам понять причины конфликтов и причины отношений взаимной поддержки между социальными институтами. Конфликты влияют на состояние общества-системы, но они не созданы системой. Они вносят возмущение в систему извне, из ментальной формы общества.

У каждого человека есть собственная целостная ментальная форма — личность. Но это неполное представление о ментальных формах человека. Существенную часть личности человека образует

habitus, структурированная обществом и структурирующая общество целостная ментальная форма. Habitus принадлежит человеку лично, но еще он принадлежит обществу, даже в большей мере habitus принадлежит обществу. У каждого из нас habitus формируется на протяжении всей жизни в процессе общения с другими людьми⁵. Сформировавшись хотя бы в минимальном объеме, он начинает управлять поступками человека. Через поступки людей habitus управляет формированием материального облика общества.

Общество как habitus⁶ существует не менее явно и не менее сложно, чем общество как система. Формируясь из структурированных комплексов восприятия⁷, habitus человека отражает собою не только точную структуру общества как системы, он содержит в себе массу сведений о природе общества и сведений о природе в целом. На протяжении жизни каждый человек непрестанно исследует свой habitus и формулирует свои представления о природе.

У каждого человека (впрочем, как и у всех общающихся между собою живых существ) управление действиями и сложными поступками происходит в предвосхищении будущих событий. Мы действуем и движемся не «потому что...», а «для того, чтобы...». Даже руку от огня мы отдергиваем не в произвольном направлении, а в том направлении, где огня нет. Для всякого движения у нас либо уже готов рефлекс (довольно грубо моделирующий будущие события), либо есть способность сознательно формировать подробную модель будущей ситуации и принимать решение о действии. Нет альтернативы тезису: все ментальные формы управляются из будущего времени.

Общество создает в личности каждого человека свою модель, habitus, и дает человеку канву для принятия решений. Но управляемый habitus'ом человек может, как минимум, делать выбор между нравственными нормами, предлагаемыми социальными институтами. Это наша свобода выбора, хотя и минимальная, и недостойная человека (как выбор автомобиля любого цвета, при условии, что цвет черный), но все-таки свобода.

⁵ Печенин Н.К. Онтогенез habitus'а человека // Психология и психотехника. 2009. № 6 (9). С. 20-24.

⁶ Печенин Н.К. Филогенез habitus'а человека // Психология и психотехника. 2009. № 9 (12). С. 23-29.

⁷ Печенин Н.К. Стадии познания // Психология и психотехника. 2009. № 8 (11). С. 43-49.

К счастью, человеку доступно еще и осознанное управление своими поступками, противопоставленное напору нравственных норм и давлению *habitus`a*. Возможности личности человека шире, чем возможности *habitus`a* и нравственных норм. Человек моделирует будущее подробнее, тщательнее, чем это делают социальные институты⁸. Он формирует представление о социальных институтах и целенаправленно влияет на них, чего не могут делать социально развитые животные планеты. Созданные человеком идеальные образы будущего корректируют собою влияние *habitus`a* и нравственных норм. То есть, человек способен на поступки, более рациональные и более гуманные, чем те поступки, к которым мотивируют его социальные институты.

В статье подвергается обструкции представление о тотальной системности человеческого общества и общения, потому что только материальные природные формы имеют причину своего изменения в самих себе, то есть, имеют признаки систем. Только там, где нет зависимости от идущей из прошлого информации и от моделей будущих событий, существуют системы. Любая машина является системой систем в той мере, в какой она не зависит от активности операторов и ремонтников, а также от программ компьютера.

В современной социальной философии представление о несистемном характере ментальных форм общества не имеет признания. Философскими и научными школами в более или менее выраженном виде эксплуатируется представление о тотальной системности природы и, в частности, о тотальной системности психики и общественных отношений. Это приводит исследователей к выводам и рекомендациям, противоречащим природе общества и природе личности.

Известные системы представлений о потребностях человека носят дескриптивный характер, но претендуют на полное соответствие реалиям социального мира, то есть, на отражение действительно существующей системы, в которую объединены потребности человека. Системы потребностей рождены системным анализом дескрипций. Системный анализ не может показать причины появления потребностей, потому что ищет их внутри системы и не находит. Система есть, и этого будто бы достаточно для ее исследования и для выработки рекомендаций по использованию. Но и самый из-

вестный исследователь дает рекомендации⁹ скорее морализирующие по поводу потребностей, чем повышающие рациональность поступков человека. Иначе и быть не может, потому что в системе потребностей нет места нравственным нормам социальных институтов.

Каждый социальный институт диктует человеку свои нравственные нормы, принуждает следовать своей нравственности. На основе нравственных норм социальных институтов формируются мотивы будущих поступков, потом человеком совершаются поступки, и только тогда внешний наблюдатель может регрессией установить мотив и заявить о существовании потребности. Однако, любое изменение социальной обстановки может создать условия для активизации нравственных норм другого социального института. В результате человек совершит поступок, который наблюдателем будет интерпретирован не просто как другая потребность, а как потребность, исключая первая. Сторонника системного анализа это возмутит, и он вынужден будет морализировать по поводу непоследовательности некоторых людей.

Между тем, каждый социальный институт со временем меняет свою активность, а также меняет характер своего влияния на человека в разных социальных ситуациях. Поэтому каждый человек может оказаться в условиях, когда приоритет нравственности вынудит его быть непоследовательным. А системность общества действительно имеет отношение к структуре мотивов, влияющих на поступки людей, только косвенное отношение, вызванное принадлежностью социальных институтов единой структуре общества. Обмениваясь ресурсами, институты функционируют как системы. Изменения в активности одних систем социальных институтов сказываются на активности других. Поэтому следы системных процессов влияют на характер поступков людей, но не

⁸ Печенин Н.К. Психика социального института // Психология и психотехника. 2009. № 11 (14). С. 64-71.

⁹ «Очень часто женщина чувствует себя обманутой, она начинает относиться к браку как к средству порабощения и устремляется к удовлетворению более высоких потребностей и желаний, таких, например, как карьера, путешествия, личностная автономия и т.п. Но в том-то и состоит основное положение теории жалоб и иерархически-интегративной теории потребностей, что такого рода дихотомизация есть не что иное, как признак незрелости. Неудовлетворенной женщине можно посоветовать беречь то, что она имеет, и только после этого – по принципу профсоюзного движения – требовать большего!» (Маслоу Абрахам. Мотивация и личность. СПб: Евразия, 1999).

напрямую, а через нравственные нормы и через осознанный или спонтанный выбор человеком мотива к своему поступку.

Заметим, что за пределами статьи осталась тема системности знания. Несмотря на то, что ментальные формы не являются системами, в знании отражается системность материальных природных форм, и у отраженной системности знания есть добротная и хорошо исследованная база. Однако, описание отраженной системности знания — это задача, выходящая за рамки статьи.

Представления о соотношении общества и человека, развиваемые современной социальной философией, не учитывают особенностей ментальных и генетических форм общества, не рассматривают их отдельно от материальных форм — систем. Результатом стала застарелая инфантильность представлений о роли социальных институтов в жизни и в общении людей, а также в развитии общества. Активным началом общественных отношений философские и социологические школы полагают человека, а социальный институт трактуют как целенаправленно или непреднамеренно созданное средство, с помощью которого люди придают завершенные формы своим отношениям.

Человек оказался в роли элемента общества, имеющего ментальные, социальные, нравственные и многие другие свойства. Считается, что человек сам решает, совершать ли ему тот или иной поступок. Сам, договорившись с другими людьми, создает социальные институты. Значит, чтобы так или иначе менять положение в обществе, нужно апеллировать к людям, к каждому человеку, к его свободной воле. Надо обращаться к каждому и объяснять ему разрушительность одних поступков и созидательность других, в надежде на осознание человеком общего для всех нравственного континуума ценностей.

Современная социальная философия не видит принципиальных препятствий на пути к обдуманному совместному принятию решений разумными людьми. Социальные отношения представляются в виде сложно организованных систем с подсистемами, в которых человек является элементом. Считается, что люди, каждый со своей системой психики, организуются в малые группы, выстраивают межличностные отношения, а группы формируют отношения между собою, исходя из интересов коллективов — предприятий, организаций, корпораций, партий, движений и пр. — и все это

системы. Потом появляется система взаимосвязей между коллективами, то есть, государство, международный союз, международная корпорация и пр. И, наконец, все человечество обретает себя как глобальную систему.

У представлений о системности отношений человека и общества есть варианты. Например, есть представление о существовании системы действий с ее подсистемами¹⁰, в число которых входят: социальная система, культурная система, личностная система и поведенческий организм как система. Все, что имеет отношение к обществу, к человеку и к психике рассматривается в форме систем.

Общество и социальные институты в своем материальном воплощении, конечно же, являются системами. Но характер активности систем задается не только, и даже не столько законами изменения и развития систем, сколько особенностями ментальных форм общества и социальных институтов — особенностями *habitus`a* и нравственных норм. Отношения между социальными институтами в обществе — это и есть отношения между нравственными нормами. Нравственные нормы и структура *habitus`a* меняются, а вслед за ними меняются и системы — общество и социальные институты. Так общество прогрессирует. Причем, промежуточным звеном между изменениями ментальных форм и изменениями форм материальных являются изменения генетических форм общества, как это происходит в мире живых особей: всякое последующее состояние общества (в данном случае читай — организма) рождается путем управляемых информацией малых отклонений от предыдущего состояния.

Социальные институты общества являются активным началом общественных отношений и общественного развития. Каждый институт сам формирует среду, в которой люди совершают выгодные ему поступки. Ситуация, когда люди осознанно создают социальные институты и рационально поддерживают их существование, не просто редка, она не оптимальна, а чаще всего деструктивна. Причем, все сформированные людьми социальные институты поначалу неизбежно неполноценны. Причина неполноценности в том, что, декларативно существуя, имея

¹⁰ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.

ограниченный контингент носителей, нравственные нормы нового социального института вначале не имеют никакого распространения в том обществе, которому инициаторы пытаются привить новый социальный институт. Агрессивности со стороны других социальных институтов новому институту не избежать. В результате, новый социальный институт в своем развитии преодолевает препятствия: он может быть разрушен, может изменить собою другие социальные институты, отвоевав себе место, но, скорее всего, институт будет долго реформироваться, будет встраиваться в структуру общества, частично меняя себя и другие социальные институты. Причина такого рода сложных изменений лежит в ментальной области, там, где между собою соотносятся нравственные нормы. И при любых условиях, в конфликтах между социальными институтами страдать будут, конечно же, люди, с помощью нравственных норм вовлекаемые в борьбу, часто в борьбу на самоуничтожение.

В качестве примера социального института, развивающегося не только и не столько как система, но и как организм, и как совокупность нравственных норм, рассмотрим город. С этим социальным институтом люди сосуществуют с давних времен. Люди ценят знания о городе в пределах знаний о системе, в которой люди перемещаются, питаются, размножаются, в которой перетекают потоки товаров. Знания об организме города и о его нравственных нормах слабо используются при прогнозировании тех поступков людей, совершать которые заставляет людей именно город. В результате, прогнозы часто оказываются ложными.

Зачем нужен город? Поставленный таким образом вопрос¹¹ обнаруживает неполноту любого частного ответа. А еще он позволяет увидеть, что наряду с людьми в обществе активно действует множество социальных институтов, не просто живущих своей собственной жизнью, но и обладающих заметной свободой воли. Их функционирование невозможно описать с помощью уравнений, подобных тем, что используются для описания сложных многоуровневых материальных систем, например, для описания динамики атмосферы планеты.

У города есть цели, которые надо бы понять. Эти цели день изо дня меняются. Причем, цели города (исследованные постфактум) оказываются неоднозначно зависимыми от принятых людьми решений по направлению развития города в то или иное русло. Как следствие, нужно констатировать существование проблемы с определением критериев, на основе которых можно качественно управлять городом. Системный подход в управлении оказывается ущербным. Он позволяет рассчитать движение любых ресурсов, но не может учесть характер изменений в целях города, потому что причина изменения целей находится в будущем. Как и любая ментальная форма, нравственные нормы города пребывают в потоке изменений, управляемых из будущего.

Абсурдно считать, что из-за недостатков системной теории на ее основе вообще не может быть решена задача управления городом. Опыт показывает, что люди, совершая ошибки и опираясь на полученный опыт, с задачей управления городом справляются. Какую цену за ошибки приходится платить? — вот вопрос, отвечая на который мы обязаны поставить под сомнение применимость системного анализа в управлении городом.

Исторические свидетельства изобилуют примерами диалогов между людьми и городами, в которых люди получали агрессивную реакцию со стороны городов, и бывают вынуждены принять неизбежное. Несмотря на это, до сих пор одухотворенный город бывает востребован лишь поэзией. Так было в давние времена, задолго до формулирования принципов системности, так было в двадцатом веке, такое положение дел остается и поныне. Новых трактовок диалога города с человеком в исторической науке нет, убедительных доказательств самодостаточности города-системы тоже нет, и все это вопреки тому, что официально признаваемый системный подход в исторической науке давно набрал силу. Города, с их торговой основой, с развитым производством, ориентированным на торговлю, в исторической науке все еще представлены в виде полей взаимодействия выдающихся людей, больших и малых политических групп. Такое прочтение истории естественно, потому что для современных историков естественно представление о городе-системе, в котором люди или группы людей являются элементами системы, но такое представление как минимум непродуктивно.

¹¹ Поспелов Г.С., Поспелов Д.А. Влияние методов теории искусственного интеллекта на решение традиционных задач управления. М.: изд. Научного совета по комплексной проблеме “Кибернетика”, АН СССР, 1977.

Макс Вебер исследовал город как идеальный тип, как распространенный социальный факт, показав единство структуры общества в разных городах. Он наложил общую структуру на индивидуальные особенности городов и людей. Формулируя представление о городе как об идеальном типе, Вебер следовал системному принципу, поэтому из каждого социального факта он извлекал знание о структуре города. Он дал характеристику купцам, цехам, родам, вождям, плебсу, воинам и рабам, но не дал характеристику городу, способному мыслить как единый разумный организм. Вместо этого, движущим началом истории городского строя он назвал взаимоотношения между военным гарнизоном и занимающимся экономической деятельностью населением¹². Это естественные плоды системного анализа.

Неполноту системных позиций в исторической науке показывают приведенные ниже оценки некоторых исторических событий. В них представление о городе как о системе дополнено представлением о ментальных свойствах города, через нравственные нормы вынуждающих людей совершать поступки в интересах города.

Древний Рим был, прежде всего, торговым центром, как и любой крупный город из числа известных исторической науке. Положение дел мало изменилось и в наше время, но акцент теперь размыт, потому что нет однозначной связи торговли с городами. В давние времена именно торговля обеспечивала существование сложной структуры римского общества. Чтобы иметь хорошие условия жизни, городские жители естественным образом совокупно желали обеспечить своему городу лучшие условия торговли. Отсюда многовековые конфликты между городами.

Римский император Аврелиан, восстановивший лидерство Рима и его преимущества в торговле над другими городами, не мог быть убит (275 г.) во Фракии по ничтожному поводу. Императоров не убивают напуганные слуги. Аврелиана могла убить только политика, воплотившая собой недовольство жителей города Византия. Приписать убийство византийцам вынуждает нас не столько место, где было совершено покушение, сколько последовавшие за убийством известные из истории повороты в отношениях Византии с Римом. Византия забрала себе торговые приоритеты.

Когда Ганнибал (216 до н.э.) стремился покорить Рим, он, видимо, тоже недостаточно учитывал волю города, своего родного города Карфагена. А Карфагену не нужна была победа над Римом, как это ни абсурдно звучит, на первый взгляд. Карфагену нужны были приоритеты в торговле, которые Ганнибал к тому времени успел обеспечить. От финансирования дальнейших завоеваний карфагенян сдерживало то обстоятельство, что Ганнибал, добейся он победы и стань во главе Рима, неизбежно возродил бы Рим и возвысил над Карфагеном. Чтобы защититься от угрозы своего унижения, Карфаген в лице своих купцов и аристократии не дал Ганнибалу денег на продолжение войны.

Финансируя походы князя Владимира на Киев, новгородцы не были столь проникательны, как жители Карфагена. Добившись со второй попытки признания киевлянами своего поражения, князь Владимир обеспечил новгородцам торговые приоритеты над киевлянами, но на короткое время. Победа новгородцев оказалась пирровой. Киевляне создали все условия для князя Владимира, и Владимир, оставшись в Киеве, вскоре изменил соотношение торговых приоритетов. Так новгородцы остались в накладе. Свою ошибку новгородцы повторили и в следующий раз, собирая и финансируя князя Ярослава на покорение Киева. Победа Ярослава привела к тем же результатам.

Примеры позволяют видеть, что знание, в котором не учитывается активность ментальной формы города, ложно. Каждый город сам формирует желания своих горожан, и делает это исходя из возможных будущих событий, делает так, как только именно этот город и может делать в сложившихся условиях. У каждого города есть собственная неповторимая ментальная форма — его нравственные нормы, являющиеся частью *habitus* каждого горожанина. В таком же положении находятся все социальные институты. Все они, как и общество в целом, активно влияют на поступки людей, стремясь к собственному выживанию.

Системный анализ города начинается констатацией элементов и подсистем единой системы. Будь город только кинематической системой, наподобие Солнечной системы, во взаимосвязях и отношениях подсистем и элементов содержалась бы причина существования всего города-системы. Для изучения звездно-планетарных систем искать другие причины не нужно. Но к городу системный

¹² Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 321.

анализ такого толка неприменим. В системе исследователь вынужден обнаруживать дополнительные источники активности. Эти источники не содержатся в отношениях между элементами и подсистемами системы, они скрыты в элементах и подсистемах.

Перенос источника из системы в ее элементы и подсистемы сохраняет видимость корректности системного анализа, применяемого к социальным, психическим и биотическим объектам. Ведь элементы и подсистемы принадлежат системе. Предполагается, что они могут быть раскрыты, как могут быть раскрыты функции в математической формуле, делая формулу менее наглядной, но не менее достоверной. Элементом города признается мыслящий человек или группа, ведущая внутригрупповой диалог. Значит, для целей системного анализа человека или группу нужно представить системой, имеющей свой источник активности.

Двигаясь дальше, системный аналитик приходит к настойчивой потребности представить личность человека в виде компьютера. Такая аналогия позволяет полностью сохранить подход к анализу города-системы, в точности повторяющий подход к анализу звездно-планетарной системы. Правда, остается потребность в идентификации программиста, делающего людей сложноорганизованными адаптерами и интерпретаторами внешних воздействий, то есть, потребность в высшей силе.

Системный аналитик, понимающий безысходность компьютерной модели человека, находит другой не менее сомнительный путь тотального применения системного подхода. Он отказывается от исследования прямолинейных зависимостей. Апеллируя к очевидной системности природы, помня о физической невозможности описать реальные сложные системы точными математическими формулами, он идентифицирует любую систему, в том числе и систему-город, как замкнутую структуру отношений между ограниченным числом качественно различающихся систем, каждая из которых неразрывно связана с совокупностью остальных систем.

В этом суть анализа систем, примененного Т. Парсонсом. В его трактовке социальная система зависит от системы личности, системы культуры и адаптивной системы — поведенческого организма. Каждая из перечисленных систем, в свою очередь, зависит от оставшихся трех систем. Исследуя город, Парсонс считает подсистемами

(элементами): систему личности человека, систему культуры и организм-систему. Исследуя личность, он считает подсистемами социальные системы, в частности, город, а также культуру во всем ее многообразии и организм человека. То обстоятельство, что город, личность, организм в каких-то своих частях могут не быть системами, потому что в них, отдельно взятых, нет источника их же активности, подходы, подобные подходу Т. Парсонса, не учитывают.

Город — это, конечно же, система. Но системой он является только потому, что в нем есть постоянное движение, город системно организует свое пространство, с течением времени в городе происходят циклические изменения, в него поступают ресурсы извне, а из него вовне уходят продукты его активности. Если не замечать, что главным действующим лицом города является человек, то город необходимо считать системой. Как только мы обнаружим в городе совершающего поступки человека, город перестанет быть только системой, он станет живым организмом и носителем собственных нравственных норм.

Во всех приведенных выше примерах поступками людей управляли именно города. Эти социальные институты были центральными фигурами истории, артефакты которой заполняют большую часть музейных полок. Между племенным обществом и современным, основанным на доминирующей активности государств, расположился мир, в котором общественные отношения формировались активностью городов. Империи, на протяжении тысячелетий периодически возникавшие на ограниченных территориях планеты, по большей части были содружествами городов, а не государствами в современном понимании. Содружествами не в смысле любви и дружбы, а в том противоречивом смысле, в каком и современные государства образуют между собою содружества, союзы, федерации и конфедерации. И каждый город обладал (впрочем, и сейчас обладает) своею собственной ментальностью, своими нравственными нормами, под влиянием которых действуют жители городов. Такую активность города нельзя считать активностью систем. Каждый мотив, сформированный у горожанина и провоцирующий его на поступки, сформирован представлениями о будущем, он управляет из будущего. Это обстоятельство не позволяет считать город, в котором живут и действуют люди, системой.

Список литературы:

1. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор (Bertalanffy L. von. General System Theory-A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. P. 1-20). Перевод Н.С. Юлиной [Электронный ресурс] // <http://www.evolbiol.ru/bertalanfi.htm>.
2. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Евразия, 1999.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
5. Печенин Н.К. Онтогенез habitus`а человека // Психология и психотехника. 2009. № 6 (9). С. 20-24.
6. Печенин Н.К. Психика социального института // Психология и психотехника. 2009. № 11 (14). С. 64-71.
7. Печенин Н.К. Стадии познания // Психология и психотехника. 2009. № 8 (11). С. 43-49.
8. Печенин Н.К. Филогенез habitus`а человека // Психология и психотехника. 2009. № 9 (12). С. 23-29.
9. Поспелов Г.С., Поспелов Д.А. Влияние методов теории искусственного интеллекта на решение традиционных задач управления. М.: изд. Научного совета по комплексной проблеме “Кибернетика”, АН СССР, 1977.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой (1984) / Пер. с англ.; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.